

Гаращук Светлана Степановна

соискатель кафедры политологии и теологии
Северо-Кавказского федерального университета**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КРИТЕРИЕВ
ОБЪЕКТИВНОСТИ
НРАВСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ****Аннотация:**

В статье согласно классификации Дж. Беркли рассмотрены методологические подходы к определению критериев объективности моральных законов (исходящие из божественного происхождения моральных законов, из априорности моральных понятий, из согласия между людьми и из возможности постичь объективные нравственные законы посредством разума). Сделан вывод о том, что все эти подходы с необходимостью предполагают аксиоматические основания.

Ключевые слова:

нравственность, мораль, нравственные законы, критерии объективности, общественное сознание, менталитет, субъективность, вера, аксиоматические основания.

Garashchuk Svetlana Stepanovna

PhD applicant, Political Science and Theology
Department, North Caucasus Federal University**METHODOLOGICAL
APPROACHES
TO DEFINITION OF CRITERIA OF
MORAL LAWS' OBJECTIVITY****Summary:**

In the framework of the classification of J. Berkeley the article analyzes some methodological approaches to the definition of criteria of moral laws' objectivity (proceeding from the divine origin of moral laws, a priority of moral concepts, harmony between people, and possibility to understand the objective moral laws by means of intellect). It is concluded, that all these approaches involve necessarily the axiomatic foundation.

Keywords:

ethics, morality, moral laws, criteria of objectivity, social consciousness, mentality, subjectivity, faith, axiomatic foundation.

Нравственность (мораль) возможно содержательно определить как специфическую форму общественного сознания, обуславливаемую определенным менталитетом и объективируемую в конкретно-исторических системах норм деятельности, представляющих собой динамичную совокупность как общечеловеческих, так и особенных норм, регулирующих социальную жизнь посредством внутренних (самооценка) и внешних (общественное мнение) аксиологических механизмов поведенческого контроля. В конкретной системе нравственности получают оформление представления человека о должном образе поведения в обществе, которые не только мыслятся и вербализируются в целях трансляции от поколения к поколению, но и обуславливают его поступки. Верно и обратное: образ жизнедеятельности человека оказывает воздействие на его представления о нравственном и безнравственном, поскольку мышление и поведение взаимосвязаны и взаимообусловлены, что выражается в содержании понятия менталитета как образа мыслей. Однако логически, по нашему мнению, первичным следует полагать мышление человека, поскольку именно оно предоставляет саму возможность для общественной жизни.

Широко известно паскалевское определение человека: «мыслящий тростник». В.К. Шохин отмечает, что, так характеризуя человека, Б. Паскаль вступает в прямую полемику «с «ренессансной» трактовкой «величия» человека: оно состоит не в его силе, но, напротив, в его хрупкости перед лицом готовой поглотить его вселенной, но в хрупкости особого рода. В «хрупкости авторефлексивной», позволяющей человеку мыслить возможность своей гибели от малейшей частицы всемогущей вселенной, которая, в свою очередь, ни к малейшей мысли не способна. «Потому, – заключает Паскаль, – все наше достоинство состоит в мысли... Будем же трудиться над тем, чтобы мыслить хорошо, – в этом начало нравственности» [1, с. 155–156].

В этом афоризме великого философа обращает на себя внимание его акцент на том, что следует не просто мыслить, а мыслить хорошо. «Хорошее» мышление, надо полагать, и является той генезисной силой, которая порождает и развивает общественные нравственные системы. Однако тогда перед нами возникает проблема: что считать хорошим мышлением, а что плохим, каков критерий их различения? Ведь нередко можно встретить научные определения менталитета (начало нравственности и вместе с тем ее плод), релятивизирующие выводимую из него мораль, делающие ее понятием относительным, например: менталитет – «специфика психологической жизни людей», он «раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умонастроений, основывающуюся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях и задающую вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, а значит, и характерные для представителей данной общности убеждения,

идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающие указанную общность от других» [2, с. 432]. Обратим внимание: «убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки» характерны для представителей именно «данной общности», они-то и отличают ее от других. Вполне понятно, что если мы будем исходить из такого определения понятия менталитета, то сможем вывести из него только относительные, различные и даже не подобные друг другу системы нравственности.

Однако из мыслительного логического начала нравственности нельзя выводить ее субъективность, поскольку носитель менталитета, конкретный субъект мышления и действия, не является полностью автономным носителем сознания, он тесными узами связан с человеческим родом, а потому выражает в мысли и действии не только единично-индивидуальное, но и общечеловеческое. Новоевропейская мысль, отказавшись от сакрализации мира и мышления о нем, обуславливающего религиозно-нравственные представления, избрала логический метод определения всеобщности, от которой, конечно, не могла отказаться, подобно некоторым представителям современного постмодернизма, оставаясь в рамках классического философствования. Так, Дж. Беркли писал: «Хотя все мудрые люди согласны в том, что есть известные моральные правила или законы природы, которые обладают вечной и безусловной обязательной силой, существуют, однако, различные мнения относительно способов открытия подобных законов и отличия их от прочих установлений, зависящих от человеческих склонностей и произвола» [3, с. 257]. Вечность и обязательность хотя бы некоторых, но при этом и основных моральных правил им не отрицается, однако уже намечается путь к разномыслию об этих правилах, основанному на различии мнений, на субъективности понимания, не застрахованной от ошибок: «Некоторые рекомендуют искать их среди божественных идей, другие – в понятиях, запечатленных от рождения в человеческих умах; иные видят их источник в авторитете ученых людей и во всеобщем согласии народов, и, наконец, некоторые утверждают, что открыть их можно лишь с помощью логических заключений разума» [4]. Философ полагал, что первые три метода (исходящие из божественного происхождения моральных законов, из их ментальной априорности, что, в общем-то, предполагает и первый метод, а также из согласия, основанного на авторитете, к чему склоняется и современная конвенциональная концепция, в которой, в отличие от выделенного Дж. Беркли метода, говорить об объективности нравственных норм как их независимости от человеческого сознания уже невозможно) связаны с серьезными затруднениями, последний же, исходящий из возможности постичь объективные нравственные законы посредством разума, требует особого внимания и ясного изложения.

Следует согласиться, что подобная методология являлась прямым следствием «ренессансной» трактовки «величия» человека», с которой был не согласен Б. Паскаль. (В этой трактовке невероятным образом объединились христианская идея о превосходстве человека над природой, о его богоподобии и античная протагорская философия о человеке как мере всех вещей.) Функция определения объективности нравственных законов делегировалась разуму человека, способного логически умозаключать. Но ведь известно, что всякое умозаключение с необходимостью должно основываться на истинных посылах, иначе дискурсивное мышление не застраховано от софистических искусов и заблуждений. Что же может являться критерием истинности исходных посылок (или аксиом), на которых строятся все последующие умозаключения? Только вера, убеждение в их очевидности и возможности принятия без всяких доказательств. Однако уже достаточно давно стало известным фактом то, что всякое научное знание, построенное на аксиомах (а для человека доступно только аксиоматическое знание), принципиально фальсифицируемо, более того, по К. Попперу, критерием научности и является возможность такого опровержения («Среди различных требований, которым должна удовлетворять теоретическая (аксиоматическая) система, требование непротиворечивости играет особую роль. Его следует рассматривать как первое требование, которому должна удовлетворять любая теоретическая система – как эмпирическая, так и неэмпирическая <...>

Наряду с непротиворечивостью эмпирическая система должна выполнять еще одно условие: она должна быть фальсифицируемой» [5, с. 122–123]).

Таким образом, научное знание о нравственности не свободно от необходимости принятия тех или иных аксиом, обосновываемых только верой в них, потому предложение Дж. Беркли о том, чтобы искать моральные законы посредством логических умозаключений, есть прямой путь к релятивизации морали в целом, по которому пошел, конечно, не сам философ, но многие его методологические последователи, ставящие во главу угла величие человеческого разума. «Общечеловечность» же определенных нравственных законов всегда обосновывалась верой в их объективность, в априорную данность их человеку, в непридуманность этих законов, и вера эта обуславливалась конкретно-историческими религиозными представлениями. Потому, на наш взгляд, вполне надежным критерием определения объективности, а значит, и правильности

нравственных норм, обусловленных «хорошим» мышлением, могут стать данные, полученные в результате компаративистского анализа различных вероисповедных систем, ведь если религии понимать философски общо и широко как «целесолагающие мировоззрения», то нужно признать, что они не только оказывают влияние на нравственность, но и формируют ее [6, с. 152]. Более того, эти данные позволят судить не только об общечеловеческом в моральных системах, но и об их особенностях, обуславливающих социокультурное многообразие современного мира.

Ссылки:

1. Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль : монография. М., 2006.
2. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Душков Б.А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. Екатеринбург, 2002.
3. Беркли Дж. Пассивное повиновение // Беркли Дж. Алкифрон или Мелкий философ. Работы разных лет. СПб., 1996.
4. Там же.
5. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983.
6. Лагунов А.А. Русская религиозная философия в контексте социальных реалий современного мира : монография. Ставрополь, 2007.

References:

1. Shokhin, VK 2006, Philosophy of values and axiological earlier thought, monograph, Moscow.
2. Dubov, IG 2002, 'The phenomenon of mentality: psychological analysis', *Dushkov BA Psychosociology mentality and noomentaliteta*, Yekaterinburg.
3. Berkeley, J 1996, 'Passive obedience', *J. Berkeley. Alkifron or Small philosopher. Works of different years*, SPb.
4. Berkeley, J 1996, 'Passive obedience', *J. Berkeley. Alkifron or Small philosopher. Works of different years*, SPb.
5. Popper, K 1983, *Logic and the growth of scientific knowledge. Selected works*, Moscow.
6. Lagunov, AA 2007, *Russian religious philosophy in the context of the social realities of the modern world*: monograph, Stavropol.